



Обыватель хохочет...

В самом конце переяславского земляного вала, в доме за старинной каменной оградой всю ночь разливается яркий электрический свет и из форточек вырываются струи табачного дыма. Здесь заседают.

Здесь слушаются отчёты, раскаиваются в ошибках, мягко похлопывают друг друга по плечу — ничего, мол, какнибудь исправимся. Здесь, наконец, выносятся очередной выговор директору «Красное эхо» Кручинину.

Да, без этого дежурного блюда проходит редкое заседание бюро переяславского райкома партии. Директор увешан этими «наградами», как генерал, вышедший в отставку. 9 выговоров за восемь месяцев!

Кто может сравниться с переяславским райкомом в требовательности за невыполнение планов промышленности?

Каждому известно, что одно и то же блюдо при частом употреблении приедается.

Так случилось и в доме с ярко освещёнными окнами. Когда всем надоело, заворотделом района Монахов приготовил новое. Он предложил снять Кручинина с работы.

Голоснули с аппетитом. Все облегчённо вздохнули и благодарно взглянули на Монахова.

Наконец-то добились перелома. Теперь «Красное эхо» прибавит скорости.

Скорость у «Красного эха» действительно была неважная. Вроде как у автодорожского автомобиля, который газанёт, припрыгнет, разбежится на десять метров и станет. Бензину нет. Карбюратор не в порядке.

За пять месяцев фабрика простояла 56 дней. 30 дней полностью и 26 дней частичных остановов. Не было топлива.

Чем это разнится от движения любительского автодорожского автомобиля?

И чем отличаются руководители переяславского района от обывателей, которые, завидев остановившийся на пути автодорожский автомобиль, заливаются жеребьячим смехом, издеваются над смущённым шофёром?

— Ату его, ату его!

Ведь факт, что о состоянии фабрики бюро райкома знало только по докладам директора и по отчётным декадным сводкам.

Доклад заслушан, очередная пометка на лбу директора сделана, всё в порядке.

— Ату его, ату!

Можно ехать на охоту в привольные леса Переяславля, можно с шумом прокатиться на свежевыкрашенном катере по голубым водам Плещеевского озера. Можно обойти делянки с высохшими дровами, ожидающими заботливых хозяйских рук и путёвки на фабрику «Красное эхо». А там, за ними, приволье!

Так бывало летом. Так, в иных условиях, было и зимой.

* * *

«Красное эхо» — единственное крупное промышленное предприятие в Переяславском районе. Там работают три с половиной тысячи рабочих. Для Переяславля, в прошлом — города церквей и монастырей, «Красное эхо» в наше время — главный опорный пункт борьбы за социалистическое строительство в районе.

В Переяславле всё это понимают иначе.

Директор Кручинин не только клеймённый выговорами дежурный докладчик на бюро райкома. Не только шофёр, на которого можно кричать — ату. Кроме всего, в глазах райФО, горсовета и других, он ещё и богатый дядюшка.

По мнению райкома, например, между финансами исполкома, профсоюзов и «Красное эхо» нет почти никакой разницы. В советском государстве, мол, живём, все деньги общие.

В тот момент, когда в промфинплане фабрики образовался прорыв в два миллиона рублей, к директору сыплются требования от рика, райФО, горсовета, райкомов партии и комсомола. Денег, денег, денег!!!

— Примите телефонограмму, — говорят из райФО.

— Пожалуйста. Записываем. Передавайте.

Из одной трубки в другую летят слова телефонограммы:

РайФО предлагает перевести на оборудование и содержание архивного бюро, согласно постановления президиума рика от 2 сентября сего года, на текущий счёт рика в однодневный срок 225 рублей и на содержание зав. архивом 25 рублей.

Зав. райФО — Семёнов.

К директору входит курьер, подаёт пакет со штампом райкома. В конверте строгий приказ:

Вы должны к 15 июня сего года перенести деньги на пионер-лагеря в сумме 500 руб... Райбюро ДКО денег от вас не получало.

Райком ВКП(б) и ВЛКСМ последний раз предлагает в 24 часа указанную сумму перевести в госбанк на текущий счёт райкома № 1010.

Секретарь РК ВКП(б) — Самарин.

Секретарь РК ВЛКСМ — Линючев.

В горсовете идёт совещание хозяйственников. Председательствует Порфирьева — председатель горсовета. Она держит короткую, но убедительную речь.

— Мы заслушали сейчас доклад тов. Ганина о долевом участии промышленности в строительстве 1932 года. Вам известно, что мы организуем дом обороны. В нашем бюджете предусмотренных на эту цель денег не хватит. «Красное эхо», дадите полторы тысячи рублей? Запишем.

— Нам нужен, кроме этого, ещё и театр. Довольно бескультурья. «Красное эхо», с вас придётся взять 25 тысяч рублей. Запишем.

Увлекаясь красочными перспективами строительства, Порфирьева уже совсем забыла, о чьих средствах идёт речь, и с большим подъёмом продолжала:

— На парткабинет «Красное эхо» отпустит семьсот рублей, на дороги — 15 тысяч, на улучшение пожарной охраны города — 54 тысячи. Через речку Трубеж мы думаем перекинуть 2 моста. С «Красного эха» на это дело причитается полторы тысячи. Запишем.

Записали.

Мы не ругаемся, что дело происходило именно таким образом, но это не меняет его сути. Все эти суммы записаны в решении совещания и скреплены подписью тов. Порфирьевой.

Словом, хорошо иметь в районе большую фабрику.

Гораздо хуже путаться с выполнением приходной части бюджета по городу и району.

В каждой графе финансовой сводки зияет недочёт по сбору налогов. Особенно с кулаков. С фабрикой справиться значительно легче. Не внесено, например, на содержание архивариуса или на оборудование дома обороны, или парткабинета, установленные суммы, кассиру фабрики скажут в госбанке:

— Внесите сначала деньги, а потом приходите за зарплатой.

Коротко и ясно.

* * *

Посторонних зрителей, рвачей, спекулянтов и явного кулачья немало внутри самой фабрики «Красное эхо».

Обеспеченные продовольствием и зарплатой во время останова фабрики, одни из них разъезжали по базарам и рынкам других городов области, перекупали, продавали, нимало не заботясь о том, когда им нужно вернуться к машинам.

Другие по-своему «болели» за фабрику. Как только становилось известным, что прибывает очередная партия топлива, они организовались в ударные бригады грузчиков. Это ударничество обеспечивало ежедневно 25-рублёвый заработок и семь метров мануфактуры на каждого. Нередко во главе этих «ударных бригад» оказывались коммунисты.

В эти тяжёлые дни с фабрики рвали все, кто сколько может.

Горсовет тоже руку приложил. Он активно помогал рвачам, создавал им условия. В то время, когда у фабрики было только на два дня топливных запасов, городской совет мобилизовал

весь фабричный транспорт для уборки мусора с городских площадей. Пусть останавливается социалистическое предприятие, но зато площади почистим!...

* * *

Стоит, погрузившись в темноту, фабрика «Красное эхо». Заседают, сочиняют резолюции, готовят выговоры и признания ошибок заседатели в ярко освещённом доме за каменной древней оградой. Невдомёк им, что остановилось наше, советское предприятие и надо немедленно броситься на помощь, вдохнуть жизнь в потемневшие корпуса, заставить шуметь и вертеться станки и машины. Они не замечают этого. Не думали замечать.

— Свыклись, вот и не замечали, — сказал кто-то на собрании городского партактива о своём райкоме.

Обыватели, сочиняющие резолюции, просчитались. Их мирный покой нарушен. Фабрика работает. И если снова они попробуют сесть в свою старую привычную заседательскую карету и проедут мимо фабрики, им нужно заявить немедленно:

— Слезайте, приехали.